

Методологические проблемы идентификации документа как объекта познания*

Показаны зарождение и эволюция гносеологического и онтологического определений документа. Проанализированы противоречия идентификации документа как объекта исследования и варианты их решения в библиотековедении и библиографоведении посредством развития методологии документально-информационного подхода.

Ключевые слова: библиографоведение, библиотековедение, гносеология, документ, документоведение, документальная деятельность, онтология, противоречие, теория документальной информации.

Часть 2. Поиски решения противоречия идентификации документа как объекта познания в отечественной библиотечно-библиографической науке

Под воздействием идей П. Отле [4] и его последователей (в частности, С. Брие) во второй половине XX в. в СССР формируются информатика и документалистика, которые активно опираются на гносеологическое определение документа. Основной причиной выбора термина «документ» выступает факт взаимосвязи документа и информации. Этот термин начинает обозначать любой материальный объект, содержащий информацию. При этом взаимосвязь документа с процедурными аспектами упрощается и сводится к включению объекта в процесс познания. Так, документом становятся любые материальные объекты, которые оказываются в данных ситуациях вовлеченными в процесс научного познания.

Существенный интерес к документу как гносеологическому понятию, возникший во второй половине XX в. в библиографоведении и библи-

Евгений Александрович Плешкевич,
ведущий научный сотрудник
НИО библиотековедения
Российской государственной
библиотеки,
доктор педагогических наук,
доцент

* Часть 1 статьи «Методологические проблемы идентификации документа как объекта познания» см.: Библиотековедение. — 2013. — № 6. — С. 15—21.

отековедении, был обусловлен определенными факторами.

Во-первых, существенно расширились библиотечно-библиографические формы, представленные на фотографических и звукозаписывающих пленках и дисках, а позже — и на машиночитаемых носителях. Это послужило причиной поиска нового обобщающего термина для всей совокупности традиционных книжных и новых нетрадиционных материальных форм представления информации.

Во-вторых, значительное влияние оказала разработка философии книги, прежде всего со стороны известного отечественного теоретика книги и библиографа М.Н. Куфаева. Под философией книги он подразумевал философскую дисциплину, выясняющую принципы книги, которые определяют, с одной стороны, ее бытие и развитие, а с другой — ее познание [3, с. 23].

Таким образом, можно видеть попытку совмещения в одном термине онтологических и гносеологических задач. Данную методологическую задачу М.Н. Куфаев пытается решить, разрабатывая «широкое и узкое» ее толкование. В широком смысле под книгой он предложил понимать вместилице мысли и слова человека, взятых в их единстве и выраженных видимыми знаками, как материализованную человеческую мысль, сопряженную со словом; в узком — собрание рукописных или печатных листов, которые выражают мысль и слово одного или нескольких авторов, объединенных в интересах автора, издателя или владельца, внутренне и внешне в одно целое; причем книгой можно считать иероглифы на сфинксах или камнях, папирусный свиток, шкуры и т. п., а теперь — фонографические валики и грампластинки [3, с. 39—49]. Как мы видим, «широкое» определение книги очень близко определению документа, предложенному П. Отле. При этом крайне важен тот факт, что библиографическую деятельность, связанную с описанием книги, М.Н. Куфаев считает документальной. Цели и задачи библиографии, по его мнению, заключались в *документальной инвентаризации* всех существенных сторон или признаков книги, в получении *документальных знаний* обо всех конструктивных элементах книги с целью представления *инвентарных документов* книжной культуры и обобщающих выводов о них [2]. Создаются методологические предпосылки для введения в библиографию термина «документ» как гносеологического. В своих взглядах ученый был не одинок, однако мы ограничимся лишь упоминанием Б.С. Боднарского, Н.В. Русинова, которые разделяли идею библиографии как документальной науки.

По мере использования термина «документ» для обозначения информационных объектов библиотечной и библиографической деятельности

происходит осмысление его эвристического потенциала, и на этой основе постепенно разрабатываются теории библиографии и библиотеки, раскрывающие документальную природу этих социальных институтов. Исследуется их документальная природа и устанавливается, что библиотека и служба библиографии (с античности и по настоящее время) обеспечивают поддержание семантической симметрии и актуализацию целого комплекса письменных записей, традиционно определяемых как книга. В этом их социальная роль аналогична службам нотариата, канцеляриям и архивам. Осмысление документальной природы библиотечной и библиографической деятельности, по нашему мнению, приводит к переходу от книговедческой к документальной концепции в данных научных дисциплинах (подробнее об этом см.: [5]).

Таким образом, в библиотековедении и библиографоведении термин «документ» используется в гносеологическом контексте, и его содержание отражает те или иные теоретические взгляды на природу документальных явлений. Именно как гносеологический он используется в различных вариантах документального подхода, разрабатываемых О.П. Коршуновым, А.В. Соколовым, Ю.Н. Столяровым, Е.А. Плешкевичем, Г.Н. Швецовой-Водкой и другими исследователями.

Как видно из обзора, термин «документ» на протяжении длительного времени использовался в гносеологическом и онтологическом контексте. Осознание этого привело к разделению его содержания на широкий и узкий смыслы, что частично снимало противоречия и позволяло в различных научных направлениях выбирать более подходящее содержание. Так, М.П. Илюшенко в середине 1980-х гг. отмечала, что, принимая широкое толкование понятия «документ», документоведение соответственно своим задачам ограничивает предмет своего изучения документами, функционирующими в процессе управления [1].

Однако по мере развития видового разнообразия документов, появления кино-, фото- и фотодокументов, электронных документов, не вмещающихся в административно-управленческую сферу, стала нарастать потребность более широкого осмысления этого понятия. Помимо этого, начинают разрабатываться теории документа в информатике и документалистики, чуть позже — в архивоведении¹ и, наконец, в самом классическом документоведении. Постепенно формируются потребности в междисциплинарных исследованиях. Под давлением этих изменений методология разделения содержания документа постепенно утрачивает актуальность. Ей на смену приходит потребность в гармонизации широкого и узкого определений этого понятия.

В различных дисциплинах учеными формируются собственные видения по решению данной

задачи. Так, в рамках классического документоведения и архивоведения некоторые исследователи предлагают пойти по пути сведения гносеологических представлений о документе к сложившимся в системе управления его онтологическим формам. Другим способом стала попытка выработки комплексного гносеологическо-онтологического определения документа. Содержание понятия носило гносеологический контекст, а его объем определялся онтологически, путем перечисления конкретных документных форм или через указание сферы деятельности и специфичных для них форм документов. Таким образом, противоречие сохранялось на уровне включения тех или иных объектов в объем понятия.

В качестве еще одного варианта можно назвать предложения Ю.Н. Столярова и Г.Н. Швецово-Водки разработать определение, суть которого заключается в конвенциональном ограничении понятия документа материальной и знаковой сторонами, с учетом особенностей деятельности документальных коммуникационных систем. При этом предлагается взять за основу дефиницию, изложенную в Международном стандарте ISO 5127:2001 «Информация и документирование. Словарь» (Information and documentation. Vocabulary) [10]. Напомним, что в нем документ определяется как записанная информация или материальный объект, который может рассматриваться как единица в документационном процессе. Ю.Н. Столяров высказывает схожие идеи.

Анализ определения документа, изложенного в стандарте ISO, показывает, что оно отличается достаточной широтой, однако встает вопрос: может ли оно быть рассмотрено и квалифицировано само по себе, в отрыве от текста Международного стандарта ISO 15489-1:2001 «Информация и документация. Управление записями» (Information and documentation. Records management) [9]. Представляется, что данный стандарт и разработанный для него терминологический стандарт ориентированы не на документ вообще, а лишь на онтологические формы документов, используемых в сфере административного управления. Именно поэтому авторы стандарта используют термин «record», а не «document»². В противном случае стандарт ISO 15489-1:2001 назывался бы «Documents management». Таким образом, определение документа, данное в стандарте ISO, носит исключительно онтологический управленческий контекст. И именно так его стоит переводить и использовать. Однако некоторые ученые, предлагающие решить противоречие путем обращения к терминологии ISO, эти особенности почему-то не учитывают.

Так, Ю.Н. Столяров пишет, что в результате исследований пришел к выводу, что статусом документа можно наделить любой объект (от наночастицы до всей Вселенной) и что именно этот смысл заложен в трактовке документа, принятой ISO [8, с. 8]. В другой статье, исследуя информационную природу документа, он отмечает, что определение документа, данное в стандарте ISO, допускает рассматривать живое существо в виде человека или животного в качестве документов, поскольку информация «записана» в их головном мозге [7]. Безусловно, любой читатель в зависимости от силы собственного воображения способен прийти к любому выводу, однако в данном случае методологически правильным будет ориентироваться на то понимание, которое вкладывают в определение документа авторы данного стандарта³.

Призыв к признанию терминологии ISO нам представляется излишним. Во-первых, и сам стандарт, и его терминология в управлении документацией используются уже не одно десятилетие, однако его авторы и пользователи понимают под документом совсем не то, что предлагает Ю.Н. Столяров. Во-вторых, здесь мы имеем дело с приемами средневековой схоластики, когда ответы на текущие вопросы рекомендуется искать не посредством научных исследований, а путем цитирования и весьма вольного интерпретирования подобранного по случаю авторитетного источника, в данном случае стандарта ISO.

В качестве собственного варианта гармонизации онтологического и гносеологического представлений о документе мы видим переход к определению документа через документально-информационный процесс (документирование) и деятельность по его организации. При этом, конечно, само документи-

рование не сводится к записи по установленным правилам. Его сущность, по нашему мнению, заключается в записи и/или регистрации информационного сообщения на материальном носителе, во включении его в определенную документально-информационную систему с целью поддержания семантической симметрии и актуализации, а также в обеспечение функционирования документа в рамках документально-информационной системы. Технологические и организационные аспекты документирования образуют документальную деятельность. Наличие такой деятельности позволит относить к документам ее результаты. Таким образом, одной из задач теории документальной информации и документально-информационной деятельности является разрешение сложившегося противоречия.

Перспективность данного варианта гармонизации видится в том, что развитие представлений о документе способствует развитию документальной деятельности, отражающей онтологические аспекты, которая, в свою очередь, расширяет гносеологические представления о документе и, как результат, спектр объектов, которые могут быть отнесены к категории документов. Это подтверждается, например, отнесением к документам фотографий, звукозаписей и электронных сообщений, которые после своего изобретения сразу таковыми не считались. Таким образом, комплексное онтологическое и гносеологическое развитие представлений о документе выступает инструментом решения противоречий и получения новых представлений о документе.

Кроме этого, связь документа с конкретной документально-информационной системой, исследуемая в рамках теории документальной информации, позволяет классифицировать документы на архивные (ретроспективные), библиотечно-библиографические (диахронные) и делопроизводственные (оперативные)⁴. При этом в архивном и делопроизводственном определениях документа акцент делается на онтологические аспекты, тогда как в библиотечно-библиографическом — на гносеологические. Если говорить об онтологических терминах, то в библиотековедении и библиографоведении в качестве таковых выступают термины «публикация», «издание», «рукопись». Что касается термина «книга», то в библиотечно-библиографических дисциплинах, в контексте документально-информационного подхода, выступающего в настоящее время в качестве основного, он утрачивает свое гносеологическое значение, сохраняя при этом онтологическое значение для обозначения бумажного кодекса объемом свыше 48 страниц⁵. Безусловно, в ряде случаев термин «документ» в библиотековедении используется и на онтологическом уровне, например документоснабжение библиотек, документальный фонд библиотеки. Но наличие этих исключений не вли-

яет на общую понятийно-терминологическую картину библиотековедения.

Еще одним важным результатом разрешения данного противоречия является возможность построения междисциплинарной общей теории документа и документальной деятельности. Нам представляется, что доминирующим в данном случае выступает гносеологический контекст, что, разумеется, не ограничивает роль в решении данной задачи ни архивоведения, ни документоведения, но требует разработки именно гносеологических аспектов документа. Что касается теоретических построений, ориентированных исключительно на онтологическое делопроизводственное понимание документа, то, конечно, возможен и этот вариант развития. Но в данном случае это будут теории управленческого документа, основу которых будут составлять теоретические положения менеджмента.

Если говорить об исследованиях информационного взаимодействия как такового, связанного с материализацией информации, но выходящего за пределы документальных форм и институтов, включающего, по сути, безграничный спектр различных объектов от наночастиц до антилопы или пирамиды Хеопса, то более перспективным нам представляется не расширение понятия «документ», позволяющего называть все что угодно документом (о чем говорит Ю.Н. Столяров⁶), а использовать вместо него более общее понятие «информационный объект». Развитие такого рода исследования видится нами через развитие теории информации и информационных объектов как междисциплинарной теории более высокого теоретического и методологического уровня, в рамках которой документальная информация и документ будут ее частным случаем.

Таким образом, разрешение противоречия по идентификации документа как объекта познания — одна из ключевых проблем науки о документе. Ее решение способствует приращению новых знаний о документе и позволяет увидеть новые направления развития документальных дисциплин. Безусловно, помимо нашего варианта решения данного противоречия, могут быть и другие варианты. Данная статья не дает окончательный и единственно верный ответ, скорее, ее цель — выбрать тот путь, который открывает новые возможности для развития науки о документе.

Примечания

¹ В качестве примера заинтересованности архивоведения в теоретических исследованиях документа можно привести предложение Е.В. Старостина ввести «архивологию» — дисциплину, развивающуюся на стыке источниковедения, архивоведения и исторической информатики и охватывающую проблематику документирования в самом широком контексте. Т.И. Хорхордина говорит об «архиво-

- софии», находящейся на стыке методологии и теории науковедения, философии (культурологии) и информатики, а В.А. Савин — о «феноменологии документа», в задачу которой входит всестороннее изучение документа и т. д. [6].
- ² В английском языке для обозначения документов в сфере управления используется глагол «record», а не «document». Когда-то и в русском языке существовало подобное разделение, документы в сфере управления и делопроизводстве обозначались как деловые бумаги. Так, например, в «Общем учреждении министерств» (1811) — законодательном акте, регламентирующим делопроизводство в министерствах, использовался термин «деловая бумага». Переход в делопроизводстве к термину «документ» произошел в нашей стране в 1930-х годах.
- ³ Для того чтобы читателю была понятна наша критика, переформулируем проблему. Какова целесообразность и эффективность использования китайско-русского словаря при переводе текста с немецкого языка на русский язык?
- ⁴ Возможно, читателя удивит предложенная классификация документов, поскольку традиционно считается, что архив и библиотека хранят документы, тогда как в делопроизводстве мы сталкиваемся со сферой их производства и использования. У нас иное мнение. Мы полагаем, что хранение — это отложенное потребление. Подобный взгляд на природу хранения позволяет говорить, что библиотечные и архивные документы не хранятся, а используются, иными словами, «потребляются». При этом сам процесс хранения выступает составной частью пользования. Например, мы купили холодильник. Если он стоит в упаковке, не включен в сеть и в нем нет продуктов, то мы имеем дело с хранением. Если же он подключен к источнику питания и заполнен продуктами, то мы имеем дело с потреблением, а не с хранением. При этом длительность потребления обуславливает периодичность проведения профилактических работ, направленных на увеличение срока службы, однако в этом случае профилактика есть часть потребления, а не хранения.
- ⁵ В книговедении и книговедческом подходе в целом термин «книга» можно использовать как в гносеологическом, так и в онтологическом контекстах, однако в этом случае содержание термина «документ» следует ограничивать его архивно-делопроизводственными онтологическими рамками. И это желательно оговаривать специально.
- ⁶ В одной из статей Ю.Н. Столяров подчеркивает, что в течение двух-трех десятилетий он постепенно понимал, что адекватное представление о документе требует все большего расширения объема этого понятия [8, с. 8].

Список источников

1. *Илюшенко М.П.* К понятию «документ» (эволюция термина и предмета документоведения) // Сов. архивы. — 1986. — № 1. — С. 26—31.
2. *Куфаев М.Н.* Библиография — наука // Труды II Всероссийского библиографического съезда. — М.: Гос. центр. книж. палата РСФСР, 1929. — С. 12, 15.
3. *Он же.* Избранное: Труды по книговедению и библиографоведению / М.Н. Куфаев. — М.: Книга, 1981. — 223 с.
4. *Отле П.* Труды по библиотековедению. Руководство для общественных библиотек. Организация умственного труда. Руководство к администрированию: практ. пособие / П. Отле; вступ. статья и науч. ред. Ю.Н. Столярова. — М.: Либерия, 2002. — 232 с.
5. *Плешкевич Е.А.* Документальный подход в библиотековедении и библиографоведении: этапы формирования и направления развития / Е.А. Плешкевич. — М.: Пашков дом, 2012. — 308 с.
6. *Савин В.А.* Архивный фонд Российской Федерации как объект познания. Историко-графический аспект // Отеч. архивы. — 2005. — № 2. — С. 21—28.
7. *Столяров Ю.Н.* Документ как информация специфического назначения // Науч.-техн. информ. — Сер. 1. — 2011. — № 11. — С. 2—5.
8. *Он же.* Онтология документа: дополнительные пояснения // Науч.-техн. информ. Сер. 1. — 2013. — № 3. — С. 8—13.
9. ISO 15489-1:2001. Информация и документация. Управление записями. Часть 1. Общие требования [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.iso.org/iso/ru/home/store/catalogue_tc/catalogue_detail.htm?csnumber=31908
10. ISO 5127:2001. Информация и документирование. Словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.iso.org/iso/ru/home/store/catalogue_tc/catalogue_detail.htm?csnumber=33636&commid=48750